

М.С. Неклюдова

**ГАЛАНТНАЯ КАРТОГРАФИЯ И МОДЕЛИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ФРАНЦУЗСКОГО ДВОРА СЕРЕДИНЫ XVII В.¹**

В статье анализируется сочинение парижского адвоката Габриеля Гере «Карта двора» (1663), занимающее промежуточное положение между нормативными текстами (трактаты о придворном, учебники хороших манер) и романом с ключом, поскольку в нем фигурируют подлинные исторические персонажи. Благодаря этой двойственности на его примере отчетливо видно, как соотносятся умозрительные представления автора о дворе и его актуальное знание придворного социума.

Ключевые слова: история раннего Нового времени, Франция, придворная культура

В 1663 г. в Париже было опубликовано небольшое сочинение, озаглавленное «Карта двора»². Его автор, Габриель Гере, предлагал воображаемому адресату – некоему Гидаспу, увлеченному охотой и пренебрегающему хорошим обществом? – описание пути, который надо пройти, чтобы достичь Нового Света. Отправной точкой этого маршрута является провинция Благородной Крови, далее идет город Латинизма, и лишь затем перед путешественником открываются просторы Нового Света. Чтобы познакомиться с местностью, неопиту лучше всего взобраться на гору Любопытства, узреть храм Славы и довериться волнам реки Знаний, впадающей в реку Желаний, которая, в свой черед, несет свои воды к морю Лувра. По одну сторону от него расположена провинция Упражнений, по другую – Изысканных Манер. Центром первой является город Академии³, вторая же состоит из многих населенных пунктов – Стишков, Любовных Посланий, и, наконец, долины Романа, которую «самый твердый и острый взгляд не может охватить от края до края; за последнее

Мария Сергеевна Неклюдова, Ph.D., старший научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского Российского государственного гуманитарного университета.

¹ Данная статья является частью авторского проекта «“Я двор зову страной...”»: культурные идиомы эпохи Людовика XIV».

² Guéret G. La Carte de la Cour. P., 1663.

³ Напомним, что в то время этот термин в первую очередь обозначал учебное заведение, где наставляли в искусстве верховой езды, владении шпагой и другими видами оружия и проч.

время она столь сильно распространилась, что ее можно принять за Новый Свет»¹. Покинув ее, путник попадает в город Экипажа, где обзаводится необходимой для благородного человека экипировкой – каретой, слугами и проч., после чего он готов к плаванию по морю Лувра. Это путешествие требует некоторых навигационных навыков, поскольку надо суметь пройти по проливу Вежества между островами Притворства и Искренности. В итоге он попадает в залив Любовных интрижек, где располагается остров Удовольствий, являющийся резиденцией Галантного двора, которым правит прекрасный Лисидас и божественная Мадонга (Филипп Орлеанский и его супруга, Генриетта Английская).

Этот маршрут, конечно, приводит на ум знаменитую «Карту страны Нежности», тем более что один из населенных пунктов (Любовные Послания) прямо заимствован у госпожи де Скюдери, которая провозглашается властительницей долины Романа и «божественной Сафо»². Однако Гере частично картографирует реальное пространство, о чем свидетельствует причудливый топоним «море Лувра». За панегириками обитателям Нового Света угадываются портреты его современников, чьи полные имена указаны тут же, на полях книги, чтобы исключить возможность неверной идентификации. Мода на подобные палимпсесты восходит к салону госпожи де Рамбуйе, а их изобретателем, видимо, следует считать Венсана Вуатюра. В 1650-е гг. Исаак де Бенсерад, так же бывший одним из завсегдатаев «голубой комнаты» маркизы де Рамбуйе, использовал эту технику в придворных балетах. Как писал аббат Таллеман, он «со свойственным ему искусством описывал характер танцора, смешивая его с изображаемым персонажем, и делая это столь тонко и деликатно, что все читали и продолжают читать его стихи с великим удовольствием»³. «Карта» Гере во многом напоминает балетные выходы: представляемые им герои и героини образуют «живые картины», а их безмолвное дефиле сопровождают восторженные комментарии автора/либреттиста, восхваляющего их добродетели. Но если Бенсерад не имел власти над составом участников балета (к утверждению которого был причастен король), то Гере обладал большей свободой выбора. В этом он ближе к госпоже де Скюдери, которая включала в исторические повествования портреты друзей, знакомых и покровителей, описания их загородных домов, садов и проч. Как показывают исследователи, такое

¹ Guéret G. La Carte de la Cour. P., 1663. P. 40-41.

² Ibid. P. 42.

³ Les Œuvres de Monsieur de Bensserade. Première Partie. P., 1697. Sig. âvii^v – viiiⁱ. Подробнее об этой эстетике см.: Fumaroli M. Le Poète et le Roi: Jean de La Fontaine en son siècle. P., 1997. P. 324.

совмещение вымысла и подлинных фактов и лиц отчасти соответствовало логике клиентелы, отчасти – более широкому идеалу литературно-салонной социальности¹. Аналогичными соображениями должен был руководствоваться Гере с поправкой на то, что, взявшись картографировать двор, он, будучи практикующим юристом, не мог игнорировать институциональный аспект проблемы. На это, по-видимому, указывает сам выбор картографической формы, за которой стоит не только галантная традиция (о чем речь пойдет ниже), но и определенный способ упорядочивания и апроприации знания². Не случайно примерно тогда же в разговорном языке начинает активно использоваться выражение «sçavoir la carte» для обозначения детальной осведомленности о внутренних связях, существующих внутри того или иного сообщества³. В первую очередь оно ассоциируется с двором⁴ и, как мне представляется, вытесняет более раннюю идиому «sçavoir sa court», имевшую хождение в XVI в.⁵ Таким образом, «карта», «двор» и «знание» образуют единый смысловой комплекс, наполнение которого я предполагаю рассмотреть.

* * *

Публикация первого тома «Клелии» с «Картой страны Нежности», как известно, спровоцировала волну пародий и подражаний. В том же 1654 г., еще до его появления, в свет вышло «Известие о королевстве Кокетства» аббата д'Обиньяка, что позволило последнему оспаривать пальму первенства у госпожи де Скюдери. К этому спору мы вернемся чуть позже, пока же вслед за Полем Зюмтором повторим, что сам по себе вопрос о первенстве не столь важен, поскольку за

¹ См.: *Morlet-Chantalat Ch.* « La Clélie » de Mademoiselle de Scudéry, de l'épopée à la Gazette; un discours féminin de la gloire. P., 1994.

² Ср.: *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 99 и далее.

³ Еще в начале 1660-х гг. Шарль Сорель предположил, что идея галантной картографии возникла из этого выражения (*La Bibliothèque française, de M. C. Sorel. Ou le Choix et l'Examen des Livres François qui traitent de l'Eloquence, de la Philosophie, de la Devotion, & de la Conduite des Moeurs <...>*. P., 1664. P. 152-153). Это утверждение вызывало бы большее доверие, если бы не тот факт, что до него это выражение, по-видимому, не фиксируется.

⁴ Фюретьер определяет «sçavoir la carte» как знание «придворных интриг, хода государственных дел» (*Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes <...> Recueilli & compilé par le feu Messire Antoine Furetiere. La Haye, Rotterdam, 1690. T. 1. P.393*), а Академия дает более общее значение (*Le dictionnaire de l'Académie française, dédié au Roy. P., 1694. T. 1. P. 148*).

⁵ Одно из самых известных ее определений принадлежит Анри Этьенну: придворный – тот кто «знает двор», то есть «знает ремесло быть приятным тем, кого следует обхаживать; знает, каков ход вещей при дворе, и умеет под него подладиться». – *Deux dialogues du nouveau langage françois, italianize et autrement desguize principalement entre les courtisans de ce temps. Envers, 1579. P. 224.*

«Известием» д'Обиньяка стояла традиция «аллегорических утопий», сформировавшаяся во Франции в 1640-х гг. О специфике этого жанра говорит его название: в нем сочетались черты ренессансных травелогов (включая рассказы о путешествиях в воображаемые миры) и позднесредневековых аллегорий¹. Так, «Известие» было представлено как «выдержка из последнего путешествия голландцев в левантийские Индии». Описание же королевства включало «говорящую» топонимику (замки Праздность и Либертинаж), аллегорических персонажей (правит страной Кокетливая Любовь), и характерологию (ее жители делятся на воздыхателей, весельчаков, авантюристов, золотых ослов и проч.)².

У «Карты страны Нежности» несколько иная генеалогия, восходящая к традиции религиозно-нравственных размышлений и аллегорических пилигримажей³. Ярким, но чуть более поздним ее примером может служить «Карта, показывающая порядок и причины спасения и погибели» (1664) Дж. Бэньяна, автора «Путешествия пилигрима» (первая часть опубликована в 1678 г.)⁴. Решающая роль тут принадлежит моральной топографии, которая отражает переход души от одного состояния к другому. Этот же принцип, хотя и в секуляризованном виде, сохраняется в «Карте страны Нежности», и в появившихся вслед за ней пастишах⁵ – «Карте королевства Прециозниц» (приписывается Молеврие), и «Карте королевства Любви» (приписывается Тристану Л'Эрмиту), которые были опубликованы в 1659 г., но, как считается, восходят к 1654 г. В первом сочинении фигурируют река Откровенничания, порт Шушуканий, города Обожаемая, Божественная и Машерочка (отсылки к той манере общения, которая якобы отличала прециозниц), замок Галантности, ленное владение Нежных и Страстных Чувств, равнина Кокетства и проч.⁶ Второе, вслед за своим прототипом, фиксирует этапы ухаживания: равнина Безразличия, лес Приятного Собрания, таверна Нежных

¹ Zumthor P. La Carte de Tendre et les Précieux // Truvium. Schweizerische Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft. Jahrgang VI. Zürich, 1948. P. 266-267.

² Histoire du temps ou relation du royaume de coqueterie extraite du dernier voyage des Hollandois aux Indes du levan. P., 1654. P. 6-7, 18-19.

³ Zumthor P. La Carte de Tendre et les Précieux. P. 269.

⁴ Об этой карте и стоящей за ней традиции см.: Delft L. van. Littérature et antropologie: Nature humaine et caractère à l'âge classique. P., 1993. P. 69-73.

⁵ В данном случае пастиш – литературный прием, предполагающий имитацию стилистических особенностей другого произведения и, как правило, имеющий не столько пародийный, сколько иронический характер.

⁶ La Carte du Royaume des Pretieuses // Recueil de pièces en prose, les plus agréables de ce temps. I partie. P., 1660. P. 322.

Взглядов, и т.д.¹ Но, очевидным образом, прочерчиваемая Тристаном Л'Эрмитом (и, отчасти, Молеврием) траектория представляет собой намеренно сниженный и циничный вариант любовного пилигримажа. Сама по себе карта с ее специфической – не столько нарративной, сколько демонстративной – формой и аллегорической топонимикой невольно подчеркивает прагматический аспект предлагаемого маршрута от пункта А до пункта Б, что, собственно, и дает повод для пародий. Кургуазная модель поведения превращается в набор конвенциональных жестов, за которыми стоят отнюдь не высокие чувства. Так, Жан Реньо де Сегре в своих стансах «На Карту Нежности» советовал воздыхателям выбрать «самую широкую и прямую дорогу из всех имеющихся, / Она проходит через Безделушку»². Другой остроумец рекомендовал поискать тропинку Случая, которая идет по лесу Везения, и приводит к мосту Женской слабости, откуда всего лишь шаг до Неведомых Земель³. Кульминацией этой отчасти женоненавистнической тенденции стала приписываемая Бюсси-Рабютену и принцу де Конти «Карта страны Ухарства», где известные светские дамы представали в виде (старых, разваливающихся, грязных) городов, у которых сменяются губернаторы.

Последнее сочинение, по-видимому, также восходит к середине 1650-х гг.⁴ Примечательным образом, при публикации в 1668 г. оно получило название «Географическая карта двора». Поскольку Бюсси еще в 1665 г. подвергся опале из-за «Любовной истории галлов», а принц де Конти успел не только обратиться к Богу, но и умереть, такое наименование вряд ли можно считать авторским, тем более что само издание было пиратским. Об этом свидетельствует и фальшивый импринт (под маской «Пьера Марто» скрывался ряд голландских и немецких издателей), и тот факт, что все персонажи названы своими именами, что могло иметь неприятные последствия для предполагаемого автора (на титуле было указано имя Бюсси). К примеру, характеристика города д'Этамп – «Между реками Потаскуха и Кокетка расположен город д'Этамп или Валлансе, древний и один из самых тучных в стране; место грязное и за-

¹ La carte du Royaume d'amour, Ou la description succincte de la Contrée qu'il regit, de ses principales Villes, Bourgades, & autres lieux, Et le chemin qu'il faut tenir pour y faire voyage // Recueil de pièces en prose, les plus agréables de ce temps. I partie. P., 1660. P. 324.

² Oeuvres de Segrais. P., 1733. P. 213.

³ Lettre de M.D. sur le carte du Royaume de Tendre, écrite à l'Illustre M.S. // Recueil de pièces en prose les plus agréables de ce temps. II partie. P., 1662. P. 261.

⁴ Исследователи склонны датировать ее все тем же 1654 г. См.: *Rouben C. Histoire et géographie galantes au Grand Siècle: L'Histoire amoureuse des Gaules et La Carte du Pays de Braquerie de Bussy-Rabutin // XVII siècle. Revue publiée par la Société d'Étude du XVIIe siècle. № 93. 1971. P. 56.*

болоченное, которое, говорят, кишит заразой в силу особенности тамошней почвы <...>¹ – сопровождалось примечанием: «госпожа де Пизье»². Заметим, что в момент публикации текста эта дама, принадлежавшая к знатному и влиятельному роду, была еще жива, как и некоторые другие жертвы этой злобной шутки. По-видимому, «страна Ухарства» становится «двором» по тем же причинам, по каким издатели порой заменяли иносказательных «галлов» в названии другого скандального сочинения Бюсси, на откровенную «Францию». Этот жест указывал на принципиальный отказ от использования псевдонимов, в результате чего «роман с ключом» превращался в прямой пасквиль, что расширяло его потенциальную читательскую аудиторию³.

Нельзя полностью исключить и другое, тоже вполне практическое объяснение: возможно, что на перемену названия старого сочинения Бюсси и Конти повлиял успех «Карты двора». Однако это маловероятно, посколькуopus Гере был опубликован единожды и никогда не перепечатывался: существуют два издания 1663 г., вышедших под разными импринтами, но они полностью идентичны, то есть речь идет об одном и том же тираже, распределенном между двумя парижскими книгопродавцами. Тем не менее, идентификация «страны Ухарства» как «двора» в высшей степени показательна не только как пример издательской стратегии. Она свидетельствует о существенном расширении представления о том, что такое «двор». Многих из перечисленных в «Карте страны Ухарства» дам никак не назвать придворными: возьмем хотя бы герцогиню де Лонгвиль⁴, которая, если речь идет о середине 1650-х гг., принимала активное участие в беспорядках Фронды, а к концу 1660-х стала яростной защитницей янсенизма. И хотя формально она получила прощение еще в 1653 г., за ним последовала многолетняя опала. Иными словами, для издателей сочинения Бюсси и Конти «двор» был эквивалентен знатности и/или определенному типу социальности, вне зависимости от реальных отношений представителей того или иного аристократического рода с королем. Такую логику, по-видимому, можно считать своеобразным от-

¹ Carte géographique de la cour et autres galanteries par Rabutin. Cologne: Pierre Marteau, 1668. P. 7.

² Речь идет о Шарлотте д'Этамп-Валансе (1597-1677), вдове виконта де Пюизье (или, в другом написании, Пизье).

³ Кроме того, под титулом «Любовная история Франции» издатели нередко печатали приписывавшиеся Бюсси памфлеты о галантных похождениях короля, к которым опальный граф не имел никакого отношения. Таким образом, в отличие от «Любовной истории галлов», которое является авторским названием, «Любовная история Франции» – почти нарицательное обозначение определенного типа текстов.

⁴ Carte géographique de la cour. P. 20.

ражением реальной политики Людовика XIV, направленной на закрепление знати при дворе, чьи механизмы были описаны Норбертом Элиасом¹. Косвенное подтверждение этому обнаруживается и у Гере, где в качестве одной из важнейших фигур Галантного двора назван Кризант (герцог де Ларошфуко), «занимающий высокий ранг в Любви; он обладает блестящим умом, слава о котором гремит со всех сторон; и его кабинетные занятия обеспечивают ему почетное место в альковах»². Опять-таки, на самом деле автор «Максим» (первое издание – 1665 г.) не пользовался расположением Людовика XIV, который помнил о его мятежном прошлом³, а потому был скорее посетителем парижских салонов («альковов»), чем придворных собраний, даже если речь шла о круге Генриетты Английской. Судя по процитированной характеристике, Гере об этом знал и тем не менее включил его в число придворных кавалеров.

Здесь необходимо сделать две оговорки. Прежде всего, такое расширенное понимание двора соответствует позиции внешнего наблюдателя. Хотя мы не можем сказать, голландский или французский издатель был ответственен за появление «Географической карты двора», в любом случае его социальный статус вряд ли был высок. Что касается Габриеля Гере, то оценить его положение по отношению к предмету описания позволяет ряд подсказок, которые дают упоминаемые в тексте имена современников. Начнем с того, что «Карта двора» посвящена госпоже Кольбер – ей отведено особое место на Королевской возвышенности, где восседает королевская чета⁴. Это позволяет предположить, что молодой автор, парижский адвокат (если верить Словарию Морери, мало участвовавший в судебных процессах, но много занимавшийся юридическими консультациями⁵) входил в окружение Жана-Батиста Кольбера⁶. К тому же прочие его публикации в основном адресованы

¹ Элиас Н. Придворное общество. Исследование по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002.

² Guéret G. La Carte de la Cour. P. 62.

³ По выражению Сен-Симона, Ларошфуко пребывал «в глубокой опале, из которой фавор его удачливого сына позволил поднять их дом, но не отца». – *Saint-Simon. Mémoires. Introduction, notes, bibliographie, index par Gonzague Truc*. Т. 1: 1691-1701. P., 1953. P. 83.

⁴ Guéret G. La Carte de la Cour. P. 52.

⁵ См.: *Le Grand Dictionnaire historique, ou le Mélange curieux de l'Histoire sacrée et profane* <...> par Mre Louis Moreri. P., 1725. Т. 4. P. 447-448.

⁶ В посвящении говорится о «долге», который автор возвращает госпоже Кольбер, что предполагает достаточно близкую степень знакомства. Стоит отметить, что госпожа Кольбер, в девичестве Мари Шарон, действительно играла важную роль при дворе. Как позднее вспоминал Сен-Симон, ей было доверено воспитание дочери Людовика XIV и госпожи де Лавальер (будущей принцессы де Конти), и при этом она пользовалась расположением королевы (*Saint-Simon. Mémoires*. Т. 1. P. 370).

магистратам парижского гарламента, что подтверждает наличие связи между посвящениями и профессиональными аффилиациями¹. Сложнее установить степень его знакомства с теми, кто находится за пределами этого круга. Если посмотреть на характеристики, которые он дает вельможам и знатым дамам – обитателям острова Удовольствий, резиденции Галантного двора – то многие из них начинаются с указаний на молву: «я знаю, что говорят о восхитительной Люси» (графине де Суассон), «весь свет толкует об остроумии и прелестях Кризолиты» (герцогини де Шатийон), «мне не в новинку слышать разговоры о том, что великая Ирена – чудо красоты» (госпожа де л'Опиталь), «все громко восхваляют очаровательную Жюли, и по тому, что о ней говорится, я смело сужу, что она достойна еще большего» (маркиза де Монтозье) и т.д.². Исключение составляют лишь герцог де Ларошфуко («мне знаком знаменитый Кризант») и герцогиня де Сюлли («я видел прелесть Партенисы, я видел ее восхитительные очи»)³, с которыми Гере, по-видимому, действительно сталкивался. Последнее знакомство могло объясняться все теми же парламентскими связями: Шарлотта Сегье, вышедшая замуж за Максимилиана III де Бетюна (внука великого Сюлли) была младшей дочерью Пьера Сегье, канцлера Франции и покровителя Французской Академии. Что касается герцога де Ларошфуко, то его Гере мог встретить в одном из литературных салонов. Таким образом, представленная в «Карте» диспозиция отражает, в основном, не личные наблюдения автора, но коллективные представления, свойственные городской, парламентской среде, которая отождествляет двор с определенным набором имен и особым образом жизни, куда входят светские развлечения, галантные беседы и проч.

Далее, сам принцип картографирования способствует символической колонизации чужого пространства, являющегося предметом более или менее откровенных посягательств. Как известно, «Карта страны Нежности» выросла из галантной переписки госпожи де Скюдери и Пеллисона, когда возник вопрос о длительности путешествия «из страны Дружеской Близости»

¹ Первый труд Габриеля Гере (1641-1688), увидевший свет в 1662 г., «Характер языческой мудрости, в жизнеописаниях семи греческих мудрецов», был посвящен Луи-Франсуа Лефевру де Комартену, другу кардинала де Реца и госпожи де Севинье, представителю потомственной административной элиты: его дед был хранителем печати, отец – государственным советником, а сам он к этому времени занимал должности парламентского советника и докладчика по прошениям. Показательно, что Большой исторический словарь Морери (см. сноску 30) подчеркивает «профессиональную», внутрипарламентскую логику этого посвящения.

² Guéret G. La Carte de la Cour. P. 61, 62, 64, 65.

³ Ibid. P. 62, 63.

сти в страну Нежности»¹. Эта ситуация была затем воспроизведена в первом томе «Клелии», где героиня рисует карту для одного из своих поклонников, который, заметим, влюблен в другую даму, а потому не склонен играть роль захватчика не принадлежащих ему территорий². Последние в сознании современников прочно ассоциировались с *mundus muliebris*: объяснялось это прежде всего тем, что автором карты была (как в романе, так и в реальности) женщина. Однако существенно и то, что намеченный маршрут вскоре стал одним из символов «прециозности», которая конструировалась как особый тип женского поведения. «Карту страны Нежности» упоминают героини «Смешных жеманниц» (1659) Мольера, надеющиеся быть принятыми за настоящих прециозниц. Сомез в своем «Большом словаре прециозниц» (1660) отмечает в качестве этапного события «рождение Романии» (то есть выход «Клелии»), благодаря чему «королевство Нежности» оказывается в моде³. О «Карте королевства Прециозниц» мы уже говорили выше. Наконец, как видно на примере сочинения Бюсси и Конти, идея «Карты страны Нежности» коррелирует с традиционным – и отчетливо эротическим – образом женщины как города или крепости, сдающей на милость победителя⁴. В этом плане практически все последовавшие за публикацией «Клелии» пародии и пастиши – которые, заметим, в своей массе принадлежат представителям сильного пола – можно интерпретировать как попытку вернуть себе захваченные прециозницами территории и восстановить гендерное статус-кво. Картографирование королевства Кокетства, Любви и прочих земель позволяет в буквальном смысле слова указать на причитающееся им место в общем порядке вещей.

Когда Гере составляет свою «Карту двора», то он, на первый взгляд, находится вне этого своеобразного литературно-территориального конфликта. На самом деле ситуация не столь однозначна. Как уже было сказано,

¹ Соответствующий фрагмент из переписки г-жи де Скюдери и Пелиссона см.: Неклюдова М.С. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М., 2008. С. 259-270 (цит. на с. 267).

² По замечанию одной из исследовательниц, «Карта страны Нежности» так же иллюстрирует сюжетное развитие романа, в частности соперничество Ораса и Аронса, где первый играет роль агрессора, пытаясь завоевать Клелию силой (похищает ее и проч.), а второй следует предписаниям «Карты» и, в итоге, обретает желаемое. Guenou S. «Clélie»: terres inconnues et imaginaires. Pour une épistémologie du transport // Voyages: récits et imaginaire. Actes de Montréal. / Ed. Par B. Beugnot. P., Seattle, Tubingen, 1984. P. 81-100.

³ Le grand dictionnaire des pretieuses: historique, poetique, géographique, cosmographique, chronologique, armoirique où l'on verra leur antiquité, coustumes, devises, eloges <...>. Par le Sieur de Somaize. P., 1661. P. 186.

⁴ Эта же идея, по сути, обыгрывается в гравюре, помещенной на фронтисписе «Аллегорической повести, или Истории недавних смут в королевстве Красноречия» (1658) Фюретьера, где королевство Красноречия, которым управляет принцесса Риторика, осаждается войсками принца Галиматя.

появление «Карты страны Нежности» сразу спровоцировало спор среди литераторов, поскольку аббат д'Обиньяк утверждал, что честь открытия этой новой области принадлежит ему¹. Судя по всему, его претензии не были восприняты всерьез: с одной стороны, «Карта страны Нежности» циркулировала в кругу госпожи де Скюдери уже осенью 1653 г. (в своем первом, не сохранившемся варианте)². С другой, Франсуа Эделен, аббат д'Обиньяк, был известен своим полемическим темпераментом. Автор трактата «Практика театра» (1657), а также нескольких трагедий и романов, он сперва рассорился с Жилем Менажем (против которого направлен его трактат «Оправдание Теренция», опубликованный в 1656 г.), а затем – с Корнелем. Результатом последней ссоры стало появление в 1663 г. «Двух диссертаций о драматической поэме в форме замечаний по поводу двух трагедий г-на Корнеля, названных “Софонисба” и “Серторий”», за которыми последовала еще и «Третья диссертация», атаковавшая «Эдипа». В 1664 г. д'Обиньяк выпустил в свет свой аллегорический роман «Макариза, или Королева счастливых островов», после чего у него случилась стычка с будущим лексикографом Пьером Ришле, недостаточно похвалившем это сочинение. Суть конфликта состояла в том, что аббату пришла в голову идея сопроводить публикацию романа восторженными отзывами близких ему собратьев по перу. Входивший в их число Ришле предложил несколько двусмысленных похвал, из которых в окончательной подборке остался один мадригал, обращенный к авторам панегириков. Д'Обиньяк обрушился на него с упреками и, в итоге, стал адресатом еще более язвительной эпиграммы³. Однако было бы ошибочно объяснять эту историю исключительно авторским тщеславием. Лаудативные коллекции такого рода были достаточно распространены; они не только отдавали дань заслугам сочинителя, но и свидетельствовали о наличии определенного литературного круга, участники которого были готовы поддерживать друг друга. Д'Обиньяк мог претендовать на такую поддержку, поскольку являлся идейным вдохновителем Академии изящной словесности, созданной им еще в 1655 г. В 1663 г. она как раз получила право именоваться Академией Дофина, что, безусловно, должно было повысить ее престиж⁴.

¹ По словам Сомеза, «Орас [д'Обиньяк] поссорится с Софи [госпожей де Скюдери] из-за этого королевства, исток которого, по его утверждению, он открыл раньше нее». – *Le grand dictionnaire des pretieuses*. P. 187.

² См.: *Scudéry M de., Pellisson P., et all. Chroniques du Samedi, suivies de pièces diverses (1653-1654)*. / Éd. établie et commentée par A. Niderst, D. Denis et M. Maître. P., 2002.

³ Подробности этой истории см.: *Bray L. César-Pierre Richelet (1626-1698): Biographie et oeuvre lexicographique*. Tübingen, 1986. P. 220-221.

⁴ Об этой Академии см.: [*Granet F.*] *Reflexions sur les ouvrages de littérature*. P., 1742. T. 4. P. 120.

Как и Ришле, Гере был членом Академии Дофина, и внес свою лепту в прославление «Макаризы». Им подписаны два панегирика: один в прозе, где он утверждает, что исповедник, десять лет назад запрещавший ему романы как «книги о магии», теперь сам зачитывается сочинением д'Обиньяка; другой в стихах, предупреждающий беспечных богов о том, что, создав аббата, они рискуют разом лишиться всех своих сокровищ¹. Несмотря на шутивную интонацию, оба текста достаточно добросовестно выполняют поставленную задачу, чтобы их можно было принять за чистую монету. Интересно другое: в «Карте двора», где Гере перечисляет современных ему авторов, представлявших наиболее популярные в светском обществе жанры, имя д'Обиньяка отсутствует. Это можно объяснить физической удаленностью, поскольку после смерти своего покровителя, племянника кардинала де Ришелье, аббат поселился в городе Немур и не участвовал в светской жизни. Однако гораздо более радикальная удаленность – отсутствие среди живых – не помешала Гере помянуть давно покойного Вуатюра². Более того, его нельзя заподозрить в излишней щепетильности и нежелании преувеличивать заслуги своих собратьев по Академии Дофина. Так, согласно ему, долиной Романа правит не одна госпожа де Скюдери, эту привилегию делят с ней Ла Кальпренед и сьер де Воморьер. Стоит напомнить, что Пьер д'Ортиг, сьер де Воморьер, был автором романа «Сципион Великий» (1656), который пользовался достаточной популярностью, чтобы в конце 1650-х – начале 1660-х гг. выдержать пару перепечаток. Но его литературный вес был несравним с известностью госпожи де Скюдери или Ла Кальпренеда. А Гере упоминает его дважды – и в качестве романиста, и в качестве поэта³. Такое внимание, безусловно, объясняется не только общим членством в Академии Дофина; Гере явно добивался покровительства более влиятельного собрата. Хотя Ортиг де Воморьер был крайне беден⁴, он принадлежал к благородному роду и мог иметь связи, не доступные для молодого адвоката.

¹ *Macarise, ou La Reine des Isles Fortunées. Histoire allegorique.* Par Messire François Hedelin, Abbé d'Aubignac. P., 1664. T. 1. Sig. ãiiij^r, iiij^r.

² *Guéret G.* La Carte de la Cour. P. 37.

³ *Ibid.* P. 44-45, 66.

⁴ Позднее Ришле будет использовать его имя для иллюстрации того, сколь бедственно положение романиста. Воморьер фигурирует в статье «Vocation», где приводится такой пример переносного (и иронического) использования этого слова: «Мне советовали сочинять романы, но у меня к этому нет никакого призвания (vocation). Быть романистом – дурное ремесло, Вомуарьер, занимаясь им, помирает с голоду». – *Dictionnaire françois contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue françoise <...>* par P. Richelet. Geneve, 1680. P. 541. Стоит отметить, что к моменту выхода Словаря Ришле (1680) Воморьер (или Вомуарьер – фамилия писалась по-разному) еще здравствовал, он умер в 1693 г.

В этом контексте отсутствие имени д'Обиньяка приобретает особую значимость. Вполне очевидно, что Гере стремился завоевать расположение тех собратьев по перу, которые имели определенный вес в светских кругах. Так, сама по себе картографическая форма его сочинения могла быть интерпретирована как своеобразная дань уважения «божественной Сафо», тем более что ей отведено одно из почетных мест в литературном пантеоне. Но идея путешествия в Новый Свет напрямую отсылала к традиции аллегорических утопий, включая «Известие о королевстве Кокетства». Еще более примечательно то, как Гере обращается с Корнелем. Великий драматург, единственный обитатель города Комедии, рекомендован читателям как автор «Эдипа» (1659) и «Сертория» (1662)¹. Не будем забывать, что именно эти трагедии подверглись резкой критике д'Обиньяка, причем «Третья диссертация», направленная против «Эдипа» вышла почти одновременно с «Картой двора». Последняя была отпечатана в начале июля (ее привилегия – разрешение на публикацию – датирована 12 июня, тираж зарегистрирован 5 июля), а первая – в конце того же месяца (повторное использование привилегии помечено 24 июля², а тираж – 27 июля). Это означает, что «Две диссертации» появились несколько раньше, и, учитывая склонность аббата к саморекламе, Гере вряд ли мог не знать о скором выходе третьей. Его отзыв об авторе «Эдипа» и «Сертория», безусловно, звучит как панегирик, и обе трагедии имели достаточный успех, чтобы их выбор не казался странным. Но, с учетом критики д'Обиньяка, позиция Гере приобретает некоторую двусмысленность. Пытается ли он возразить аббату и потому упоминает те же названия, или, наоборот, скрытым образом выступает в его поддержку? Однозначный ответ дать невозможно, и это, по-видимому, была сознательная тактика молодого юриста. Она позволяла ему и засвидетельствовать почтение стареющему Корнелю, и намекнуть д'Обиньяку, что его критика учтена. Попутно заметим, что личные симпатии Гере, вероятно, были на стороне драматурга: весь набор приводимых имен и сочинений заставляет опознать в нем сторонника «новых», даже если не знать о его вкладе в знаменитую полемику, выразившуюся в виде двух сатирических опусов: «Реформированный Парнас» (1668) и «Война древних и новых авторов» (1671).

¹ Guéret G. La Carte de la Cour. P. 75-76.

² Во многих изданиях 1660-х гг. д'Обиньяк использовал привилегию, которая была получена им 15 января 1656 г., когда он опубликовал «Оправдание Теренция». При выходе своих диссертаций он лишь перерегистрировал ее, причем в случае первых двух типограф не стал указывать дату перерегистрации и окончания печати, поэтому можно сказать лишь, что издание вышло в первой половине 1663 г.

Итак, «Карта двора» представляет собой попытку одновременного освоения и апроприации литературного и светского пространства¹. Причем, как мы убедились, Гере до тонкостей знал специфику первого, и в общих чертах представлял себе второе. Судя по тому вниманию, которое он уделяет Галантному двору, в особенности женской его части, он надеялся заручиться покровительством кого-то из окружения Генриетты Английской. Этот контраст между реальным знанием и конвенциональными представлениями особенно очевиден, если посмотреть на начальные этапы путешествия Гидаспа по Новому Свету. По сути, речь идет о процессе воспитания, где сперва особым образом тренируется тело (провинция Упражнений), а затем – те качества, которые необходимы для светского общения (провинция Изысканных Манер). Тут сочинение Гере воспроизводит традиционную траекторию, разработанную в многочисленных трактатах о формировании придворного, начиная с классического труда Бальдассаре Кастильоне. Их топосы превращаются в локализуемые на карте местности: скажем, почти все тексты такого рода обсуждают, какого происхождения должен быть придворный, откуда провинция Благородной Крови; какими навыками он должен обладать, откуда провинции Упражнений и Изысканных Манер и проч. Более того, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что в качестве основной модели Гере использует известный трактат Николя Фаре «Достойный человек, или Искусство нравиться при дворе» (1630). На это указывает ряд общих топик, которые не обязательно присутствуют в других текстах. Так, Фаре критикует «праздную» жизнь благородного человека и указывает, что пребывание при дворе является его моральным долгом²; Гере осуждает Гидаспа за нежелание покидать свои деревни и занять полагающееся ему место при дворе. Фаре предостерегает, что честолюбцев там ожидает «тайный ад», поскольку они постоянно разрываются между страхом и надеждой³. Гере сообщает Гидаспу, что если тот захочет добиться должности, то надо плыть через залив Происков, мимо мыса Доброй Надежды (со всеми соответствующими этому географическому обозначению коннотациями), по проливу Соперников, который разделяет острова Надежды и Страх⁴. Оба придают большое значение занятиям словесностью, подчеркивают, сколь важную роль играют при дворе дамы и т.п.

¹ Об их соотношении см.: Denis D. «Sçavoir la carte»: voyage au Royaume de Galanterie // *Études littéraires*. 2002. Vol. 34. №1-2. P. 179-189.

² *L'Honneste-Homme, ou L'Art de plaire à la Cour*. Par le Sieur Faret. P., 1630. P. 82-86.

³ *Ibid.* P. 73.

⁴ Guéret G. *La Carte de la Cour*. P. 86-89.

Насколько неволен этот анахронизм? Можно, конечно, увидеть в нем еще один признак того, что Гере мало представлял себе действительное положение вещей и потому ориентировался на книжное знание. Однако он называет слишком много имен, чтобы подозревать его в неискушенности. Как мы убедились, адвокат был тесно связан с литературными кругами и вхож в парижские салоны, где, даже при вполне искреннем восхищении молодым королем, превалировали сложные чувства по отношению к его окружению. Стоит напомнить, что «Карта двора» вышла в свет во время процесса над Фуке, с которым были связаны многие из упомянутых в тексте персонажей, начиная с Корнеля, посвятившего ему все того же «Эдипа». В «Карте двора», по-видимому, есть смутный намек на это событие. Во время плавания по морю Лувра путешественники должны опасаться острова Воспарения, поскольку именно о него разбиваются корабли неосмотрительных честолюбцев. Гере приводит эпитафии трех из них: это дерзкий Лизис, несчастный Адраст и юный Эвримедон (ни один из псевдонимов не раскрывается)¹. Первый пустился в плаванье по бурному морю, был вознесен к небу волнами, а затем рухнул вниз; второй положился на попутный ветер, а не на рулевого, и потерял управление своим судном; третий, подобно Цезарю, решил бросить вызов ветрам, но, не обладая его удачей, также погиб. Поскольку история Фуке подразумевает взлет и падение, его скорее можно отождествить с Лизисом, хотя эта идентификация вполне условна, и не исключено, что Гере специально приводит три примера, чтобы избежать прямых параллелей. Его собственная позиция была не простой, учитывая возможную (или желаемую) близость к семейству Кольбера. Тем не менее, как и в случае конфликта между Корнелем и д'Обиньяком, он отказывается открыто принимать ту или иную сторону.

Отношение Гере к процессу над Фуке имеет для нас определенное значение, поскольку позволяет затронуть вопрос политической прагматики «Карты двора». Чем должно закончиться путешествие Гидаспа? Как выясняется, отнюдь не отправлением конкретных обязанностей или достижением важных должностей. Главный резон его пребывания при дворе состоит в возможности смотреть на государя: «Вы сможете созерцать вблизи и без спешки то солнце, которому мы обязаны всем нашим счастьем, или, если объясняться яснее, вы сможете лицезреть сего великого монарха, которому ваши деревни обязаны своим изобилием»². Более того, Гере не советует своему герою стремиться в город Службы³,

¹ Ibid. P. 49-50.

² Ibid. P. 93.

³ Ibid. P. 81.

который в выстраиваемой «Картой» системе ценностей занимает едва ли не последнее место, поскольку упоминается после города Балета. Тем самым он, по-видимому, выступает проponentом административной политики Людовика XIV, стремившегося удерживать знатных людей при дворе, не доверяя им государственных должностей. Но столь откровенная апология праздности придворного, который лишен каких-либо функций помимо поклонения «солнцу», заставляет подозревать присутствие скрытой иронии. В этом смысле использование топосов, заимствованных из глубоко пессимистического и вполне практического трактата Фаре, подчеркивает контраст между «тогда» и «сейчас». Фаре описывает ситуацию, в которой успех «человека достойного» зависел от его умения общаться с государем, вельможами, дамами и проч., то есть социальность являлась одним из инструментов карьерного продвижения. У Гере полностью отсутствует идея коммуникации с властью: король исключен из светского общения, его можно только созерцать; а социальность становится самоцелью. Не случайно, как было отмечено в начале, границы Нового Света отчасти сливаются с очертаниями долины Романа. Это происходит не только потому, что сюжеты и герои романов заимствуются из светской хроники, но и из-за полного отсутствия утилитарности.

В свое время Эрик Ауэрбах заметил, что именно в 1660-е гг., в начальный период личного правления Людовика XIV, появляется ряд новых социокультурных обозначений, таких как «публика», «la cour et la ville», которые свидетельствуют о постепенной реорганизации общественного пространства, во многом происходившей под знаком сопротивления усиливающемуся влиянию двора¹. Как известно, результатом этого процесса стало выделение публичной и частной сферы, а также формирование новых типов социальности, в чем немалую роль сыграла литература². «Карта двора» несет в себе следы подобного размежевания. Практикующий правовед и один из историков парижского Парламента, Гере, по-видимому, понимал, в каком направлении идут административные реформы, особенно если он принадлежал к окружению Кольбера. В то же время его изображение двора отчетливо демонстрирует наличие разрыва между актуальным знанием социума (взаимосвязей внутри литературных и даже придворных кругов) и вполне архаическим представлением об институции, которое оказывается

¹ Auerbach E. *La Cour et la Ville* // Auerbach E. *Scenes from the Drama of European Literature*. Gloucester, Mass., 1973. P. 133-179.

² Как напоминает Элен Мерлен, исследование публичной сферы Юргена Хабермаса во многом отталкивается от статьи Ауэрбаха о городе и дворе. Об этом и об эволюции представлений о публике и публичности во Франции XVII в. см.: *Merlin-Kajman H. Public et littérature en France au XVIIIe siècle*. P., 2004 (о Хабермасае и Ауэрбахе см. с. 24-28).

абстрагированным от живых отношений (город Службы и проч.). В этом смысле карта противостоит иерархической логике этикета, постепенно разрабатываемого и совершенствуемого Людовиком XIV. Можно сказать, что «знание карты» отражает не только традиционную для XVII столетия любовь к таксономии и к перечислению реальных и риторических «мест», но и предпочтение горизонтальных социальных связей.

Список литературы

- Guéret G.* La Carte de la Cour. P., 1663.
- Les Œuvres de Monsieur de Bensserade. Première Partie. P., 1697.
- Fumaroli M.* Le Poète et le Roi: Jean de La Fontaine en son siècle. P., 1997.
- Morlet-Chantalat Ch.* La Clélie de Mademoiselle de Scudéry, de l'épopée à la Gazette; un discours féminin de la gloire. P., 1994.
- Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. [*Fuko M.* Slova i veshhi: Arheologija gumanitarnyh nauk. SPb., 1994].
- La Bibliothèque française, de M. C. Sorel. Ou le Choix et l'Examen des Livres François qui traitent de l'Eloquence, de la Philosophie, de la Devotion, & de la Conduite des Moeurs. P., 1664.
- Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots français tant vieux que modernes <...> par le feu Messire Antoine Furetiere. La Haye, Rotterdam, 1690. T. 1.
- Le dictionnaire de l'Académie française, dédié au Roy. P., 1694. T. 1.
- Deux dialogues du nouveau langage françois, italianize et autrement desguize principalement entre les courtisans de ce temps. Envers: Guillaume Niergue, 1579.
- Zumthor P.* La Carte de Tendre et les Précieux // Truvium. Schweizerische Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft. Jahrgang VI. Zürich, 1948.
- Histoire du temps ou relation du royaume de coqueterie extraite du dernier voyage des Holandois aux Indes du levan. P., 1654.
- Delft L. van.* Littérature et antropologie: Nature humaine et caractère à l'âge classique. P., 1993.
- La Carte du Royaume des Pretieuses // Recueil de pièces en prose, les plus agréables de ce temps. I partie. P., 1660.
- La carte du Royaume d'amour, Ou la description succincte de la Contrée qu'il regit, de ses principales Villes, Bourgades, & autres lieux, Et le chemin qu'il faut tenir pour y faire voyage // Recueil de pièces en prose, les plus agréables de ce temps. P., 1660.
- Oeuvres de Segrais. P., 1733.

Lettre de M.D. sur le carte du Royaume de Tendre, escrite à l'Illustre M.S. // Recueil de pièces en prose les plus agréables de ce temps. II partie. P., 1662.

Rouben C. Histoire et géographie galantes au Grand Siècle: L'Histoire amoureuse des Gaules et La Carte du Pays de Braquerie de Bussy-Rabutin // XVIIe siècle. Revue publiée par la Société d'Étude du XVIIe siècle. № 93. 1971.

Carte geographique de la cour et autres galantries par Rabutin. Cologne, 1668.

Элиас Н. Придворное общество. Исследование по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. [*Jelias N.* Pridvornoe obshhestvo. Issledovanie po sociologii korolja i pridvornoj aristokratii. М., 2002].

Saint-Simon. Mémoires. Introduction, notes, bibliographie, index par Gonzague Truc. P., 1953.

Le Grand Dictionnaire historique, ou le Mélange curieux de l'Histoire sacrée et profane <...> par Mre Louis Moreri. P., 1725.

Неклюдова М.С. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М., 2008. [*Nekljudova M.S.* Iskusstvo chastnoj zhizni: Vek Ljudovika XIV. М., 2008].

Guenoun S. *Clélie*: terres inconnues et imaginaires. Pour une épistémologie du transport // Voyages: récits et imaginaire. Actes de Montréal. P., Seattle, Tubingen, 1984.

Le grand dictionnaire des pretieuses. Par le Sieur de Somaize. P., 1661.

Scudéry M de., Pellisson P., et all. Chroniques du Samedi, suivies de pièces diverses (1653-1654). P., 2002.

Bray L. César-Pierre Richelet (1626-1698): Biographie et oeuvre lexicographique. Tübingen, 1986.

Granet F. Reflexions sur les ouvrages de littérature. P., 1742. T. 4.

Macarise, ou La Reine des Isles Fortunées. Histoire allegorique. Par Messire François Hedelin, Abbé d'Aubignac. P., 1664. T. 1.

Dictionnaire françois contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue françoise. Par P. Richelet. Geneve, 1680.

Denis D. «Sçavoir la carte»: voyage au Royaume de Galanterie // Études littéraires. 2002. Vol. 34. № 1-2.

L'Honneste-Homme, ou L'Art de plaire à la Cour. Par le Sieur Faret. P., 1630.

Auerbach E. La Cour et la Ville // Auerbach E. Scenes from the Drama of European Literature. Gloucester, Mass., 1973.

Merlin-Kajman H. Public et littérature en France au XVIIe siècle. P., 2004.